

КРОКОДИЛ

Рис. К. Ротова

№ 16 МОСКВА ИЮНЬ 1935
ИЗД. ГАЗ. „ПРАВДА“

2556
14

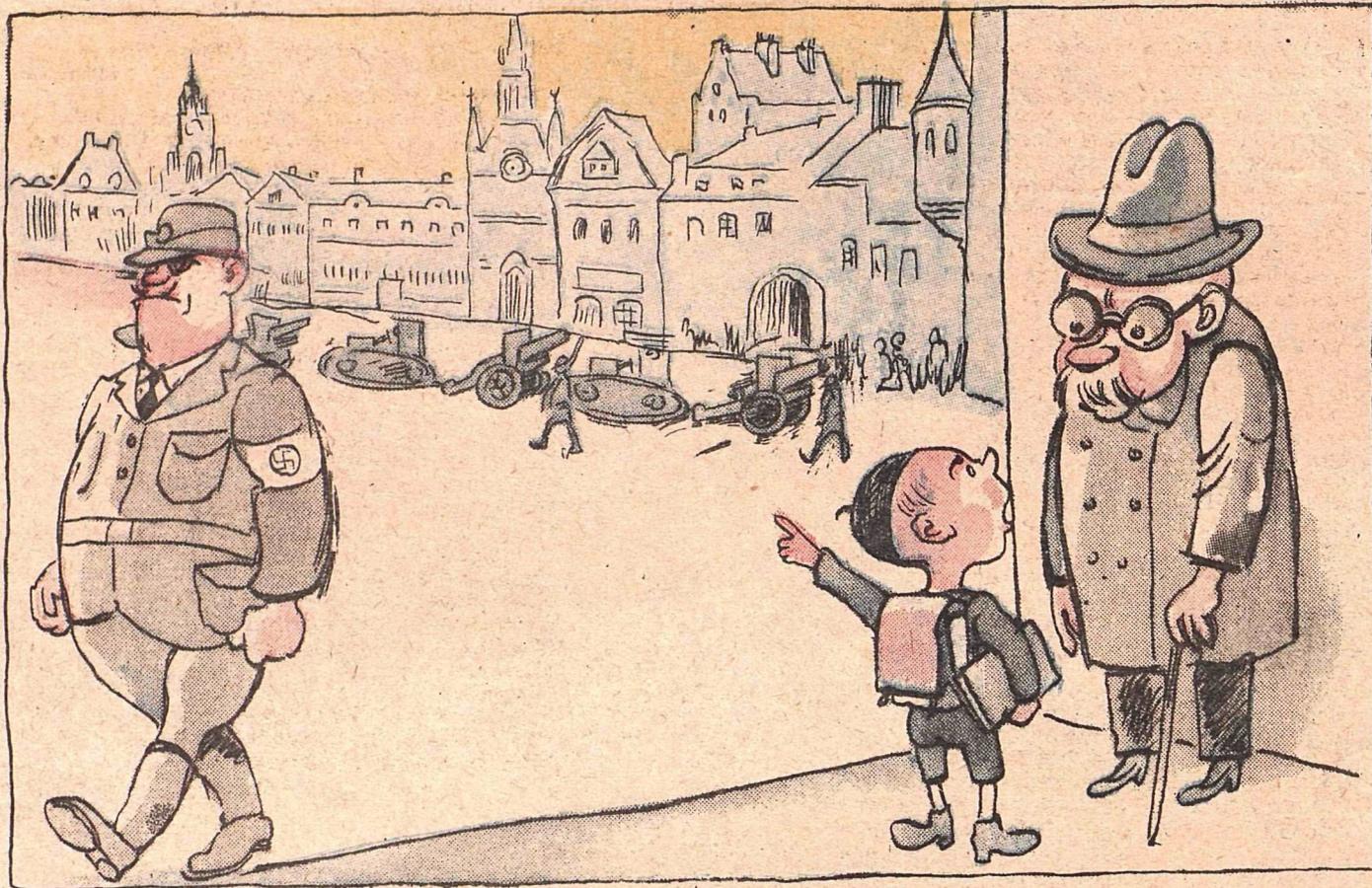
„Находятся коммунисты“, которые используют партийные билеты в качестве адресной и телефонной книжки.
(Из доклада тов. А. Жданова на собрании партячейки Ленинграда).

КОРЕНЬ ОГОРЧЕНИЯ

— Неприятная история: партбилет потерял, а на нём все нужные номера телефонов записаны!..

К.Р. 35

Рис. А. Радакова

- А ну, Ганс, скажи, где восток?
- Вот там.
- Почему ты знаешь?
- А туда пушки везут.

ПОЦЕЛУЙНЫЙ ОБРЯД В КУСТАНАЕ

В наш суровый век приятно отметить взлеты изящных человеческих чувств. А отмечая, нельзя не остановиться на шквале нежности и головокружительных восторгов, охвативших славный город Кустанай.

Если вы спросите кустанайцев, под каким знаком прошел в городе май месяц, какое было самое яркое мгновение в этом лучезарном месяце весны, все хором ответят: торжественное заседание по случаю переезда краевой школы милиции в Алма-Ату.

Участники торжественного заседания проявили исключительную инициативу в вопросах, касающихся выведенного яйца. Люди долго и непринужденно произносили прелестные речи на началах взаимности. Председатель райисполкома товарищ Чуйкин полтора часа своего драгоценного времени посвятил тщательному разбору бесспорных заслуг школы милиции. И благодарный и растроганный начальник школы товарищ Успанов, не оставаясь в долгу, восхвалял значительно более спорные заслуги районного исполнительного комитета и райкома партии. Под конец благодарный до слез начальник школы от полноты чувств произвел секретаря райкома товарища Карпушина в вожди.

— Да здравствует, — сказал товарищ Успанов, — товарищ Карпушин, ведущий Кустанайский район к социализму!

Не так часто секретарей районных комитетов партии именуют вождями. И товарищ Карпушин, «ведущий Кустанайский район к социализму», взволнованный этой приятной неожиданностью, от всего сердца провозгласил дифференцированный лозунг:

— Да здравствует, — воскликнул он, глотая слезы умиления, — начальник краевой школы милиции товарищ Успанов! Да здравствует помощник начальника школы по политчасти товарищ Филиппов! Да здравствует начальник строевой части товарищ Ходоков!

Кричали девушки «ура» и в воздух чепчики бросали. Благостное настроение охватило всех присутствующих. Любовь и привет мощным потоком хлестали изо ртов выступавших. Разошлись, как говорится, далеко за полночь.

Так завершился ко всеобщему удовольствию сей примечательный поцелуйный обряд районного значения. Но не дремали и отдельные предприятия Кустанайского района.

Локальный поцелуйный обряд был примерно в то же время совершен и на конном заводе № 48.

Водопад сиропы и квалифицированного подхалимства залил этот завод по случаю отъезда директора такового, Кузнецова, на новую работу.

Среди нетленных произведений подхалимства законное место займет слад-

чайший адрес, преподнесенный новым директором завода Остаповым при участии секретаря парткома Злобина.

Стоит ли говорить, что при вручении этого адреса происходили сцены душевраздирающей теплоты. Все руководящие работники конзавода целовали отбывающего в сахарные уста, ласково держали такового под белы ручки, обещали высоко держать его знамя и прилежь, в случае необходимости, костыми за дело племенного коневодства.

Мощные токи подхалимства, излученные в описанных нами двух церемониях, грозят залить ряд других учреждений, организаций и предприятий Кустанайского района. Тут бы в самый раз воззвать к районному партийному руководству. Пусть, мол, районный партийный комитет объяснит вошедшим в раж подхалимам: кто ведет всю страну, не исключая и Кустанайского района, к социализму, как надлежит себя вести большевикам при расставании даже с самыми приятными людьми и как называются на партийном языке все те художества, которые имели место при прощании со школой милиции и директором конзавода.

Но, к сожалению, ко всему этому делу приложил свою руку и сам секретарь райкома товарищ Карпушин. Поэтому мы позволяем себе обратиться с тем же самым вопросом к Актюбинскому обкому партии.

Л. ЛАГИН

К Р У П П

(СПРАВКА НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ)

Вывеска Круппа кровью написана
На полях войны, на клочках интервенции:
„Пушки, снаряды и все для убийства.
Цены и качество—вне конкуренции“.
Инвалиды всех наций и всех стран,
Каждый третий хромым и безрукий,
Как ни была бы их ярость остра,
Служат бесплатной рекламой Круппа.
Но поэт не должен быть кликушею,
А к точным привыкать адресам.
Что это за Крупп и с чем его кушают?
Посмотрим сперва, что он кушает сам.
Врач заявил: „Увы, герр Крупп!
Катарр и слабость мышечных групп!
Стол безусловно не должен быть груб.
Я б устранил бы даже б икру б.
Гренки! И суп из маннх круп“.
И за обедом всеильный Крупп
Тих как мышь и бледен как труп.
Хлебец поджаренный хруп-хруп.
В день еле-еле наест на руп.
Но ненасытен король стали,
Глаза его—это тысяча ртов.
Глаза его—его брюхом стали.
Глазами он мир сожрать готов.
Глаза его зубами вонзятся
В каждый лакомый, жирный кусок.
Глаза, когда на ветру слезятся,
Выделяют не слезы, а желудочный сок.
Крупп получал аванс под заказы
Иеной, долларом, царским рублем.
Крупп обладал всеми свойствами газа:
Стремился заполнить любой об'ем.
Но как только биржи вновь прикарманили
Жизни народов, двинутых в бой,

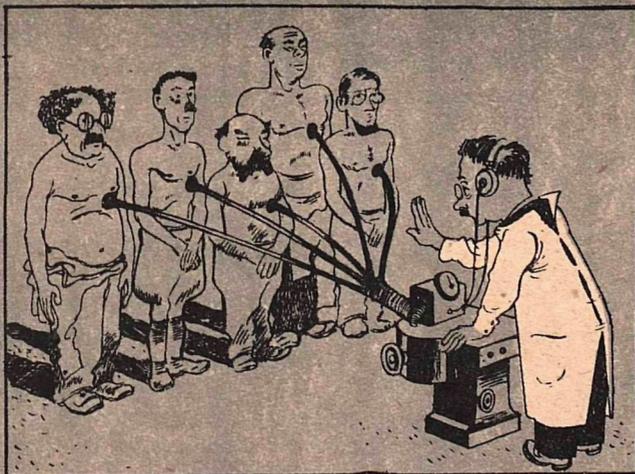
Крупп стал „надеждой“ одной лишь
Германии,
Ее славой, ее боевою трубой.
Пока, друг на друга готовые ринуться,
Державы ждали лишь выстрела Принципа,
Пока закипал кровавый отвар
Крупп размещал везде свой товар.
И плевать, что вон та живописная группа
Разбрызганных в клочья немецких солдат—
Дело орудий того же Круппа,
Проданных Бельгии год назад.
Рычат огнедышащие истуканы.
С хрустом падает труп на труп,
А в воздухе чокаются „стаканы“
С общей маркой „Эссен—Крупп“.
И когда истлел договор Версалия,
Крупп ожил. Его заводы с лихвой
Задержку вынужденную наверхстали.
Набит его погреб пороховой!
Он снова пальцем рыщет по карте,
Ядом опять налилась змея.
И он говорит: „Фашизм—моя партия“
С акцентом владельца на слове „моя“.
Таков Крупп. К контрольным пакетам
Всех стран протянулась его рука.
И если б он честно заполнил анкету,
Она была бы весьма коротка:
Фамилия?—Крупп.
Родился?—Тогда-то.
Холост, женат?—Всего помаленьку.
Что делал и что делает?—Деньги.
Национальность?—Эксплоататор.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

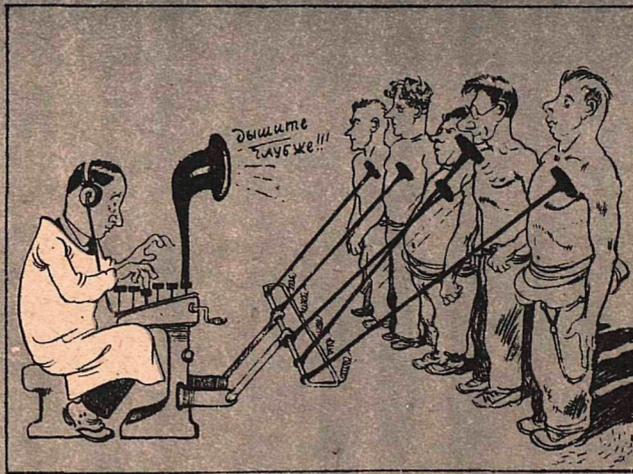
НЕБЕСПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Рис. М. Храпковского

Некоторым амбулаторным врачам просто некогда. То да се, разные дела, а тут еще больные. И каждый хочет, чтобы выслушали его селезенку и выстукали остальную организм. Другие даже требуют внимательного отношения. А врач уделяет каждому по пяти минут и сердится: болезней много, а я—один. И вот мы придумали недорогой способ, как такой занятой врач, не теряя государственного и личного времени, может обслуживать больных.

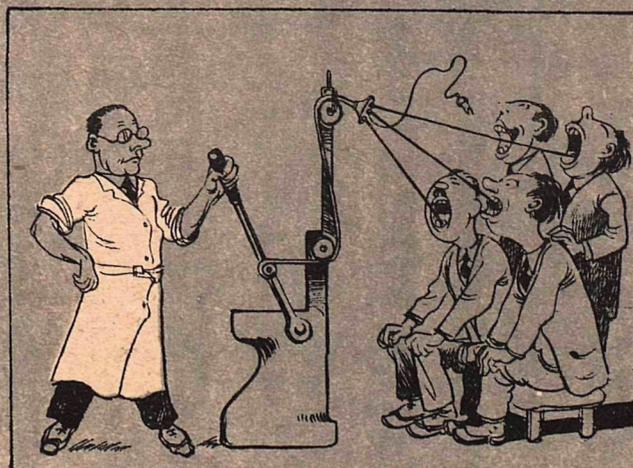
Вот легкий способ выслушивать сразу пятерых членов одного и того же профсоюза. Больные коллективно дышат, а врач напряженно слушает и прикидывает в уме, сколько в среднем приходится хрипов на очередную пятёрку.

Способ второй: выстукивание на ходу. И врач может поспеть на вторую службу и больным приятно, что их выстукали в организованном порядке.

Штурм горла, или осмотр на бегу. Развивает ножные мускулы у амбулаторных врачей и уплотняет их день доотказа. Монолитная колонна больных произносит первую букву латинского алфавита: „А“.

Одновременный сеанс удаления зубов при помощи простейшей механики XIX века. Больные предъявляют удостоверение домоуправлений о замеченных дуплах, и врач сразу делает свою жизнь приятной, укорачивая часы приема.

ЛЮБОВНАЯ ЛОДКА

Нынешней весной одна ленинградская студентка ни с того ни с сего безумно влюбилась в своего курсового комсомольского организатора. Это был серьезный юноша, с прической ежиком, увлеченный наукой.

Впрочем, он не принадлежал к жутковатому виду заучившихся сухарей, а просто ему было не до любви. Нагрузка мешала.

А Леночке, — так звали нашу студентку, — нагрузки почему-то не мешали влюбляться по три раза и больше в семестр. Такая она была увлекающаяся натура.

Влюбившись в комсомольского организатора, Леночка загрустила. Выражаясь языком классиков, она «не знала, как открыться избраннику сердца в своем чувстве».

Лена была беспартийной, и товарищ Клириков, встречаясь с ней в коридорах, разговаривал лишь на общественно-актуальные темы:

Чем объяснить леночкин «неуд» по диалектическому материализму? Не возьмет ли девушка на себя нагрузку по распространению центральной печати?

Леночка обстоятельно отвечала на вопросы комсомольского организатора, а сама грустно смотрела на его ежик и думала:

«Вот взять так просто и сказать: по материализму загремела потому, что я вас люблю, товарищ Клириков. Фу, как глупо! Лучше так: я люблю тебя, Коля, и с наслаждением возьмусь за распространение центральной печати. Боже мой, еще глупее!»

От тоски и невысказанных чувств Леночка стала тихо сохнуть. Она похудела, глаза ее ввалились и смотрели на мир с невыразимой печалью.

Подруги по общежитию приставали к ней с расспросами, но она только безнадежно махала рукой:

— Оставьте меня!

Тогда член комсомольского комитета, энергичная Рива Мунштейн, решила поговорить о леночкиных печальных глазах с самим Клириковым.

— Слушай, Коля, — сказал Рива, — надо принимать какие-то меры с Ленкой. Девка гибнет. Ты заметил, какие у нее глаза?

— Глаза у нее красивые, — мечтательно сказал комсомольский организатор.

— Глаза у нее печальные, Клириков! А подумал ли ты, откуда у здоровой девятнадцатилетней советской девушки могли взяться печальные глаза? Такие печальные глаза, несомненно, являются отрывком каких-то неизвестных нам бытовых неувязок.

— Гм... Может, у нее какая-нибудь любовная история?

— Пусть даже так. Разве коллектив не должен помочь товарищу, у которого «любовная лодка разбилась о быт»? Вызови ее к себе, поговори по душам...

— Ну, если «лодка разбилась», тогда, конечно... Только я, ей богу, не умею говорить на эти самые... на лодочные темы!

— Обязан уметь.

В тот же вечер Клириков вызвал к себе Леночку. Она пришла, трепещущая, бледная, села на кончик стула и подняла на комсомольского организатора красивые, печальные, влюбленные глаза.

«Глаза у нес, действительно...», — подумал Клириков и мягко сказал:

— Последнее время, Лена, ты что-то грустишь. Вот и Рива говорит, что у тебя глаза слишком печальные. Ребята даже не могут заниматься из-за твоих глаз. Посмотрят и расстраиваются. Это уже имеет общественное значение. Ты скажи, в чем дело, может, я сумею тебе помочь?

Леночка опустила голову, румянец пятнами выступил на ее щеках. Конечно, прекрасный Клириков может ей помочь, но как же сказать, как сказать!

А комсорг ласково журчал:

— Ты не стесняйся, Лена, говори прямо. Я, понятно, не хочу вмешиваться в твои интимные дела, но... может, у тебя... эта самая лодка... гыфу, что я говорю... может, ты влюбилась неудачно? А?! Лена?

Леночка молчала.

— Ты скажи, Лена, ведь мы же члены одного коллектива! Вызовем его сюда, поговорим, как комсомольцы, начистоту, выясним, почему у вас получилась такая петрушка. Даже приструним его, подлеца, если нужно. Нужно его приструнить?

— Нужно! — сказала Леночка и посмотрела на Клирикова так нежно, что комсорг зареал на стуле.

— Ну вот, видишь. Что же ты молчишь? Если он беспартийный, можно в конце концов на него по профлинии нажать.

— А если комсомолец? — прошептала Леночка чуть слышно.

— Если комсомолец, — дело проще. Он что — смотреть, скотина, не хочет на тебя?

— Не хочет!

— Небось, даже слова ласкового не скажет?

— Не скажет! (Леночка вздохнула).

— А ты его очень любишь?

— Очень! — зарделась Леночка.

Коля Клириков решительно встал.

— Давно тебя бросил этот гусар?

Леночка промычала что-то невнятное.

— Ребенок будет?

Лена вспыхнула и замотала головой.

— Ну вот что, — серьезно сказал Коля Клириков, — давай-ка мне его имя и фамилию. Мы вопрос обсудим на бюро. Имя?

— Николай. Коля!

— Николай? Записано. А фамилия?

— Клириков, — сказала Леночка и вдруг заплакала.

Комсомольский организатор уронил сначала карандаш, потом блокнот и на цыпочках вышел из комнаты. Скоро он, однако, вернулся.

Вышли они из аудитории вместе, держась за руки. Леночкины глаза сияли и искрились. Даже тени печали не было в них. Коля Клириков выглядел несколько смущенным.

В столовке они встретили Риву Мунштейн. Она отозвала Клирикова в сторону и спросила шепотом:

— Говорил?

— Говорил!

— Подействовало?

— Как рукой сняло!

— Вот что значит чуткое отношение к живому человеку, — сказала Рива Мунштейн.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НЕУЛОВИМЫЙ ПРЕСТУПНИК

Рис. Н. Ротова

— Проклятый мышонок!
Опять весь яд для крыс сожрал...

КАТЯ ХОЧЕТ ПЕТЬ

О чем поют птицы? Еще ни один пылливый ученый или наблюдательный дачник не дал на это категорического и исчерпывающего ответа.

Может быть, рядовой соловей, под которого губят молодость и опаздывают к ужину, поет просто о том, что пора, наконец, ударить по рукам развязных скворцов, которые утаскивают лучших червей. Может быть, малиновки заливаются относительно плохой соломой в соседних конюшнях. Или есть какой-нибудь птичий Есенин, и в то время как мы грустим в гамаке о необъятности вселенной, птичьих голоса над нами рассказывают мелкую историю о каком-то пьяном дрозде, который подколот одинокую сороку на почве широкой природы.

Неизвестно, что поют птицы. И еще неизвестнее — что поют люди, которым хочется петь.

Катя Малеева сидела в одиннадцатом ряду и слушала концерт. Ей хотелось унести с собой в свою маленькую комнату с пестрыми обоями хоть какую-нибудь песню или романс, как уносят внимательные родители с банкетов груши и шоколадки в карманах.

Пожилой брюнет с синими щеками и толстым животом, притаившимся за жилетом, пел романс.

— Слушай, Николай, — тихо спросила Катя своего соседа, когда кончились аплодисменты, — что это такое: «Средь шумного бала»?

— А это, наверное, вечеринка со скандалом, — нехотя ответил Николай, — пьяных выводили.

— Не буду я этого петь, — решила Катя, — непонятно.

— А ты и не пой, — согласился Николай, — завтра пойдем ноты купим. А может, у кого из ребят найдем.

Назавтра пошли в нотный магазин.

— Насчет попеть у вас есть что-нибудь? — деловито спросил Николай у продавца. — Девушке петь хочется.

Продавец веером разложил ноты перед Катей и не без любезности и такта стал пояснять:

— Имеем несколько переизданий индустриальных романсов 1931 года. Рекомендую вот веселенький мотивчик: «Гармонист, гармонист, ты совсем не тракторист». Не подходит? Рекомендую вот этот — слова Клинчука, музыка Минчука: «Сваю мы в землю вбивали, запасные части доставали». Семейный хор и соло для подростков. Может петь и один взрослый. Не подходит? Могу предложить последнюю новинку Парижа, исполняемую в ростовском мюзик-холле в обозрении «Диалектика эпилептика».

— А слова какие?

— Тонкие и с притопты-ващем:

«Молодой американец
Очень любит разный танец.
Он был миллионер,
Не признавший Эс-эс-эр».

Не подходит? Могу предложить что-нибудь из оперетки. Модный крик прошедшего сезона — песенка Ципы из оперетки «Подвязка молодчицы». Увлекательные слова в обработке главного режиссера Хабибулова:

«Ципа в платьице простом
Раз сидела под кустом.
И срывалось с пылких уст:
Мой любимый старый куст!»

Не подходит? Могу предложить «Куда, куда вы удалились» в переработке для хорового пения в самодеятельных кружках. Не подходит? К сожалению, больше ничего не имеем...

— Пойдем, — уныло сказал Николай, — пойду у ребят. Поют же что-нибудь люди.

Пока Николай искал, Катя сидела с толстой тетрадкой около радио и тщательно записывала задания отдела «Пойте между нами». Девушке хотелось петь.

— Записывайте, записывайте, — с чугунным оттенком гудел диктор, — диктую мотив. Та-та-ри, та-ри-та-та-там, тири-ри-ти-тири. Записали? Теперь записывайте слова. «Взял Егор свою винтовку и пошел он на попа...» Диктую по буквам. Васька, Зинка, Яшка, Лелька... Взял. Ермак. Германия. Опыты над животными. Раковая шейка. Егор... Свою... Свою...

— Не подходит, — грустно сказала Катя и отошла от радио.

К вечеру пришел Николай.

— На, — устало сказал он, передавая Кате листочек бумаги с карандашной записью, — Ваське Кукрину из Костромы тетка привезла. Говорят, что у них на всех вечеринках поют. Индивидуально тоже.

Катя радостно схватила песенку: «В глубокой теснине Дарьяла, где роется Терек во мгле, высокая башня стояла...»

— Мне кажется, я эту башню уже где-то слышала, — осторожно заметила Катя.

— Веселые мотивчики быстро распространяются, — сухо ответил Николай. — Не хочешь — не пой. Я тебе не Чайковский. Я тебе каждое утро «Кармен» составлять не обязан. Пой, что дают.

Кате хотелось петь. Она была довольна своей жизнью и молода. Она села в угол и грустно замурлыкала насчет царицы Тамары и Терека. Но молодость взяла свое, и уже через несколько минут в маленькой комнате весело и оптимистически звучал катин голос:

«Прибежали в избу дети

Второпях зовут отца:

— Тятя, тятя, наши сети

Притащили мертвеца...»

— Притащили мертвеца! — задумчиво поддержал Николай и ласково добавил. — Вот видишь, нашла что петь... А ты — ноты, ноты...

Мы начали с птиц. И остались в неизвестности: что же поют птицы? А что поют девушки нашей страны, когда им нечего петь? И кто же, наконец, напишет песни для Кати, или так и оставим мы бедную девушку, которая хочет петь, с Терекон и тятей на устах?

ЗАГАДКА

Рис. Л. Бродаты

— Странное дело, бабушка как будто и сознательная: раз десять в день физкультурную зарядку в углу делает, а икон все-таки не снимает!

Арк. БУХОВ

ЧЕЛОВЕК ПОКУПАЕТ

Первым не выдержал и запил главный повар.

— Дайте мне умереть спокойно, — говорил он, смахивая крупные слезы. — Этот проклятый американец требует чтобы ему жарили не иначе, как голубей с площади св. Марка в Венеции! Он, видите ли, не может есть пищу, которая исторически не популярна. Может, он меня еще заставит вырыть апостола Луку или Фридриха Великого и приготовить их под лимонным соусом? К черту!

Потом схватился за голову и управляющий отелем «Гранд-Висю», где остановился мистер Пеккер.

— Я люблю, когда из человека капает деньги, — кисло сказал управляющий, — иначе наш отель превратится в манеж для дохлых коз. Но из этого американца деньги вытекают как пот из каменотеса в июльский полдень. Около него надо спать с губкой. У него, очевидно, начинается суставной ревматизм, когда ему не на что тратить сотни тысяч долларов. Я работаю на него, как ученый морж на циркового директора. Откуда я ему достану для продажи европейские исторические ценности и принцев для знакомства?

— У меня тут есть на курорте один бывший принц, — предложил комиссионер отеля Жувиль, — он сейчас дрессирует мелких собак и торгует янгарем. За десять долларов он может в короне и в мантии заходить за мистером Пеккером каждый день купаться и играть на бильярде зубами.

— Не подойдет. Я ему еще третьего дня привел шесть русских бывших князей. Они пели у него хором до утра и выпили две ванны хинной водки. Американец сказал, что в них нет голубой крови и что они у него украли подтяжки.

— Хорошо, — подумал комиссионер Жувиль, — я могу предложить ему купить одно небольшое швейцарское историческое местечко, где, по преданию, не жил, но мог бы жить Наполеон. Две церкви, семь безработных, бургомистр, немного уют и одиннадцать старух. Пусть купит и увезет его в Америку. Подойдет?

— Кажется. Составьте смету.

Пока Жувиль подкидывал на счетах и на бумаге, за сколько можно продать швейцарское местечко, Пеккер уже успел съездить в Германию и купить деревню, в которой жил до своего отъезда в Америку. Деревню складывали по доскам и кирпичам и грузили на океанский пароход в Гамбурге. Выкапывали для перевозки соседнюю рошу, где маленького Пеккера когда-то порол за кражу куриных яиц. Попутно выкопали на старом кладбище покойного деревенского вора, укравшего у семьи Пеккеров дубовый шкаф, и погрузили на пароход. В алюминиевой клетке отправили туда же бездетную корову, оказавшуюся внучкой той самой коровы, молоко которой не пил Пеккер, будучи еще школьником. Даже старую подгнившую уборную, где когда-то молодой Пеккер мечтал о будущих американских миллионах, распилили на нумерованные куски и сложили в ящике.

К самому отходу парохода приехал один запыхавшийся профессор римского права из Берлина и умолял, чтобы Пеккер купил и его и отвез в Америку, так как профессор боялся, что его могут случайно зарезать внештатные агенты министерства пропаганды. Пеккер купил и заставил его играть на губной гармошке для коровы во время качки.

Мимоходом Пеккер купил для увоза в Америку два замка с преданиями, один пересохший колодец, в который когда-то плюнул на охоте Людовик IX, и четыре дуба в разных местностях, под которыми жгли Жанну д'Арк.

Пароходы с купленным уже отправились, когда Жувиль явился к Пеккеру со своим предложением.

— Это оригинально, — кивнул Пеккер, — местечко, где еще не жил Наполеон. А то мне с ним уже надоело в Европе другие комиссионеры. Один венгерец даже предлагал купить лимузин, в котором Наполеон ездил к Ивану Грозному. Хорошо еще, что я

знаю, что Наполеон предпочитал открытые машины, а то бы купил. Едемте посмотреть ваше местечко.

Швейцарское местечко оказалось маленьким, но неожиданно многолюдным. В каждом домишке, рассчитанном на старуху с кошкой, жило уже по девять семей. Они спали на крышах и на деревьях, но упорно желали, чтобы их перевезли в Америку из дорогой родины.

Пеккер осмотрел местечко и, зевнув, бросил:

— Заверните.

Швейцарское местечко вместе с колокольнями, заборами и набевшим населением погрузили. Гигантский пароход, отпльвший из Гамбурга, напоминал корыто, в котором перевозят на дачу уюты, цыплят и обломки прошлого года крокета.

Сам мистер Пеккер ехал в семикомнатной каюте первого класса. Миллионер переходил в туфлях из одной комнаты в другую, икал от качки и был доволен.

— Я буду жить в Америке, — сказал он подвыпившему дорожному секретарю, — но кругом меня будут европейские ландшафты и история, купленные за наличные. Все издохнут от зависти. Жаль, что я не прикупил еще кусок африканского леса. Кстати, немедленно дайте радио домой, чтобы побыстрее собрали и расставили все эти кирпичи, историю и пейзажи. Я хочу в'ехать во все готовое.

Через девять дней пароход Пеккера вошел в ньюйоркскую гавань. Среди неразгруженных еще пароходов стояли и те, которые привезли европейские закупки Пеккера.

— Странно, — пробормотал миллионер, — почему же их не разгрузили?

Секретарь поехал на берег выяснить. Вернулся он совершенно пьяный и заявил, лихо подмигнув:

— Неприятность, Пеккер! У нас нет денег на выгрузку.

— Вы пьяны, Сирт. У меня в двух банках двадцать семь миллионов долларов. Телеграфируйте в банки!

— Поздно, старина, оба лопнули. Ваше недвижимое имущество опечатано. И вообще, если вы хотите распоряжаться, — выдайте мне за месяц вперед жалованье.

БЕЗ ЧЕГО НЕЛЬЗЯ

Рис. Л. Сойфертиса

— Музей и университет, господин американец, мы вам продадим с удовольствием, а насчет тюрьмы — извините: самим нужна.

Пеккер потрогал нижнюю губу и тихо сказал:

— У меня осталось шестьсот долларов наличными. Среди приобретенного мной имущества есть довольно много кирпичей.

— Исторических?

— Меня в данном случае интересуют целые кирпичи, независимо от их происхождения. Нате вам триста долларов и велите выгрузить кирпичи на берег.

— Сложим из них швейцарскую церковь?

— Нет. Жилой дом на двоих. Для меня и моего бульдога.

— А я? — обиженно осведомился Сирт.

— Когда сдохнет бульдог, переедете вы. И велите, чтобы все сделали скорее.

— А куда вы так торопитесь? — кисло спросил секретарь.

— Так, — безнадежно вздохнул Пеккер. — Я уже вам сказал, что я хочу переехать во все готовое.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ОПАСНЫЙ СПУТНИК В «ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ»

Рис. Бор. Ефимова

Бор Ефимов - 35.

— Кто это все время идет за мной? Еще подслушает и разболтает, что я сейчас подумал..

ШТРАФНОЙ ПРИЕМ

Опасностей всегда имеется достаточное количество.

Вот, например, город Иркутск. Восточносибирский край. Огромные массивы нетронутой девственной природы, простор полей, непроходимая тайга, мощные горные кряжи — все это закаляет жителей края, делает из них мужественных и сильных завоевателей природы. А вы знаете, чего больше всего боятся сейчас в городе Иркутске?

Мочалки. Обыкновенной мокрой мочалки. Именно мокрой. В сухом виде она только потенциально опасна. Она таит в себе ужас именно как будущая мокрая мочалка. И поэтому с мокрой мочалкой в иркутских банях обращаются осторожней, чем с адской машиной.

Вот выходит, например, из мыльного отделения почтенный отец семейства и при нем его чадо. Пухлое сие и жизне-радостное чадо, поблескивая глазенками, рысью несется с мокрой мочалкой в руках и со всего размаху бросает ее на сиденье. Мочалка исправно падает на сиденье, подчиняясь закону всемирного тяготения. Тут же, подчиняясь тому же закону, падает в обморок отец разнузданного мальчонки. И пока его приводят в сознание, перед глазами несчастного отца маячит одновременно суровая, карающая десница закона, и — на выбор: 100 рублей штрафа или один месяц исправительных трудовых работ.

Так постановил иркутский горсовет в своем приказе № 17 от 23 апреля 1935 г. Оно названо, это постановление, вполне благопристойно: «О порядке пользования баней» и начинается достойными всяческой похвалы словами: «Для восстановления нормального распорядка в банях и предоставления наибольших удобств трудящимся...» Именно для всего этого, чтобы ликвидировать очереди и т. д., за положенную на сиденье мокрую мочалку будет впредь взыскиваться штраф в размере до 100 рублей или исправительно-трудовые работы в течение одного месяца.

Кроме того, исходя из тех же благородных соображений, запрещено и под страхом той же кары:

а) Ложиться на сиденье.

б) Приносить таз с водой в раздевальню и ряд других мимолетных преступлений.

Чтобы покончить раз и навсегда с вековой распушенностью и расхлябанностью купающейся части человечества, иркутский горсовет почел за благо точно регламентировать время пребывания в бане каждой моющейся единицы. А часов в мыльном помещении нет. Так что приходится моющимся иркутским жителям ходить в баню при собственных часах. И это, конечно, неудобство.

С другой стороны, и без часов — не мытье. Увлечешься, не угладишь, и вдруг вместо часа мылся час десять минут — плати штраф пятьдесят процентов стоимости билета, а если час двадцать минут, — плати в двойном размере.

И бегают сейчас в иркутских банях взволнованные граждане в мыле и с шайками в руках из мыльного отделения в раздевалку смотреть, который час. И от этого все время сплошное беспокойство. Не сбегаешь взглянуть на часы — просрочишь, упаси боже, время. Сбегаешь с шайкой — оштрафуют. Сбегаешь без шайки — шайку определенно упрут.

А для немедленного приведения в исполнение суровых предначертаний председателя горсовета товарища Камбалина реют в окружении бани милиционеры, наводя страх и трепет на мирное банное население.

Так штрафуют в Иркутске. Конечно, исключительно в целях наведения порядка.

Вообще, если подсчитать, во имя чего издается больше всего головотяпских приказов со штрафами, — окажется: во имя порядка.

Спешим заявиться со всей свойственной нам прямою: уличные катастрофы — это явно непорядок.

Что может быть кошмарней опасности быть раздавленным велосипедом. Мы ясно представляем себе обезображенный до неузнаваемости труп человека, которого пересел беспечный велосипедист.

— Это непорядок, — решили градоправители киргизского города Оша и постановили впредь велосипедистам без

звонков на улицах не появляться. А буде выедет кто-нибудь на велосипеде без звонка, то такового нещадно штрафовать, чтобы другим повадно не было.

Говорят, что те немногочисленные велосипедисты, которым подвезло раздобыть где-нибудь за пределами Оша звонок, долгими часами томительно ждут случая позвонить. Ограниченное количество пешеходов лишает счастливых велосипедистов этого нехитрого и общедоступного музыкального наслаждения.

Хотя, вообще говоря, мы склонны приветствовать велосипедные звонки даже там, где уличное движение не подобно рокоту бушующего моря. Но, к сожалению, в Оше негде приобрести звонок. И по этой причине простой велосипедов в Оше достигает многих тысяч человеко-велосипедо-часов.

Только по вечерам несчастные велосипедисты под густым покровом южной ночи выезжают со двора с роковым презрением к опасности в глазах. Они проезжают по пустынным ночным улицам города, бесстрастно и равнодушно поглядывая на сонные дома, ворота и кронштейны — этикие железные гнездышки на воротах, в которые вставляются по праздничным дням флаги.

Зато в городе Махач-Кала проблема этих кронштейнов поднята на недостижимую принципиальную высоту.

Если до сих пор из рук вон плохо обстоит дело с коммунальным хозяйством города Махач-Кала, то прежде всего потому, что кронштейны на местных воротах и домах были разных видов и калибров. Выяснив это, президиум горсовета постановил, ухватившись за решающее звено — кронштейны для флагов, — вытащить коммунальное хозяйство из того неприглядного состояния, в котором оно находится. Единая форма кронштейнов-флагодержателей решает все. Ввести же такую в десятидневный срок на вооружение всех домовладений. Истинны и достойны поощрения только кронштейны, изготовляемые и продаваемые в лавочке Дагавтодор. А лавочники из Дагавтодора с благословения горсовета дерут за паршивый кусочек железа двадцать рублей. И это с их стороны очень мило. Раз горсовет обязал покупать кронштейны только у них, они свободно могли бы заломить и 50 целковых.

«Руководители организаций, ответственные за домоуправления лица за вывешивание флагов без кронштейнов и неутвержденного образца подвергаются в административном порядке...» ну, конечно, «штрафу до 100 рублей или принудительным работам до одного месяца».

А в Пятигорске под угрозой такого же наказания предложено домовладениям за один день: разбить и взрастить пышные цветники перед фасадами домов; вокруг деревьев возвести в тот же срок красивые, ласкающие взор и достаточно прочные ограждения; построить перекидные деревянные мостики стандартного образца для перехода улицы во время дождя; украсить тротуары перед домами стандартными же урнами и скамейками для усталых пешеходов.

И все чтобы в сей секунд. Четырнадцатого апреля опубликовано было постановление горсовета, к пятнадцатому все перечисленные выше мероприятия должны были быть реализованы, а с шестнадцатого апреля органы милиции приглашались уже штрафовать нерадивых управдомов. Ну, конечно, до 100 рублей или исправительно-трудовые работы.

А в лесу около села Бородулина, Восточноказахстанская область, под угрозой десятирублевого штрафа запрещено собирать грибы и ягоды.

Почему нельзя собирать ягоды и грибы? Почему это строго воспрещается? Чорт его знает! Во всяком случае, — штраф 10 рублей. Конечно, через милицию. Конечно, для порядка.

А ведь уж на что дурак был щедринский градоначальник Беневоленский, а и тот поучал, что надо «законы издавать добрые, человеческому естеству приличные. Противоположные же законов, а тем паче невинных и к исполнению неудобных, — не публиковать».

То-то же, дорогие товарищи!

И. БУШУЕВ

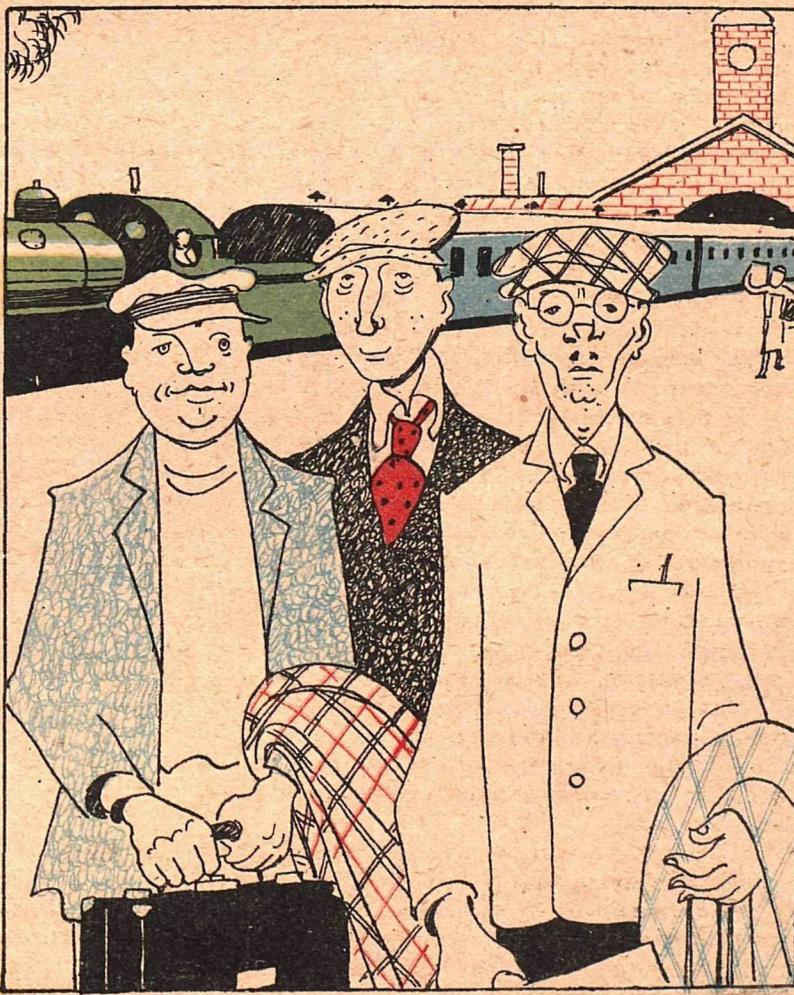
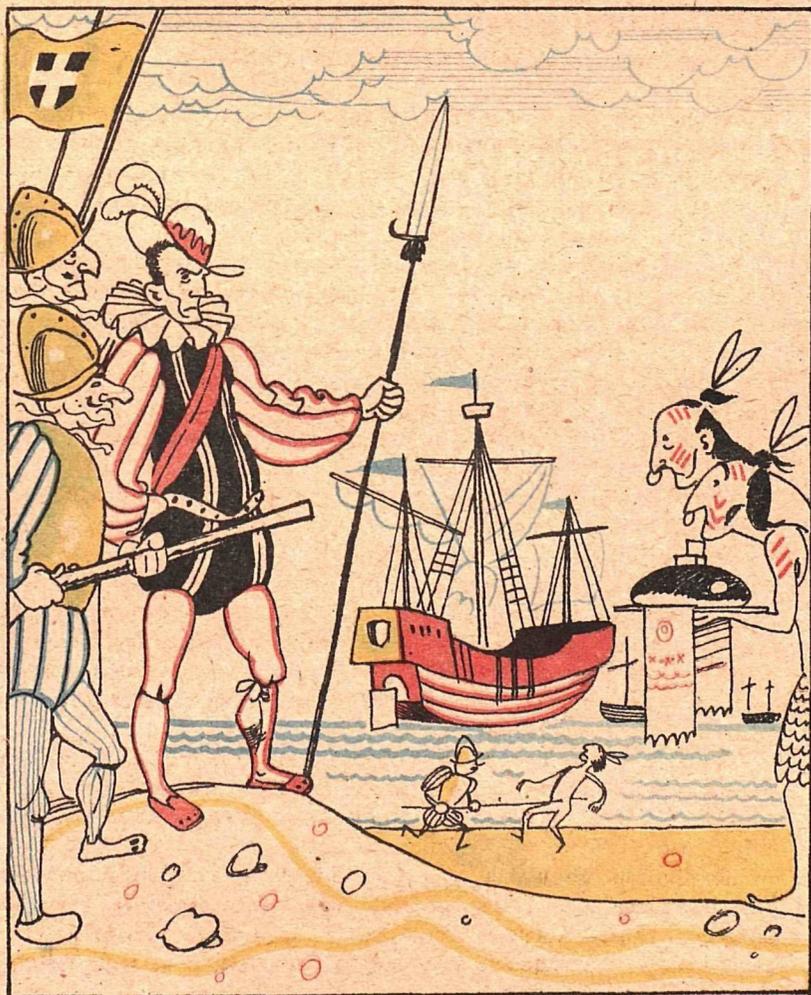
ИЗ ИСТОРИИ КОМАНДИРОВОК

Рис. Ю. Ганфа

Перед нами Ноев ковчег в 1/72 натуральной величины. Сверху, слева: первый командировочный — голубь (см. франц. слово „УАЗО“ — птица). Будучи командирован Ноем на землю посмотреть, нет ли где суши, добросовестный голубь честно выполнил свое задание, даже не требуя суточных и квартирных, и быстро вернулся обратно с масличной веткой. На ковчеге был встречен радостно.

Бодро шагаем дальше. Перед нами суровый Данте, предпринявший короткую командировку в ад и в некоторые из наиболее культурных уголков рая. Обследовал качество смолы в котлах для грешников, имел несколько деловых встреч с райским административно-хозяйственным персоналом и вернулся с „Божественной комедией“. Современниками был встречен кисло и впоследствии даже не издан „Академией“.

Колумб как таковой. Христофор. Был командирован на неизвестный материк, где при помощи туземного населения открыл Америку. Вернувшись, сделался знаменитым. Жил на своих харчах и в перерасходах по командировке не замечен.

И наконец: Лягушати́н, Зыкин и Треньков (фамилии взяты ориентировочно), три командировочных из костромского филиала рязанского представительства абхазского треста „Южсемечки“. Были в командировке 3 месяца, истратили все возможные и невозможные квартирные, суточные, подъемные, сверхсметные, подсметные деньги и решительно ничего не привезли, кроме дополнительных счетов за командировку.

Рис. А. Топкива

ДЬЯКОН: — Эх, кабы в нашей церкви кинокартину «Чапаев» показать, — вот бы народу-то приперло!

СМЯГЧЕНИЕ ПРАВОВ

(МОНОЛОГ В ДАЧНОМ ПОЕЗДЕ)

Теперь, знаете, в газетах все нападают на банкеты: и дорого, мол, и часто, и не в тех случаях, когда надо, банкетничают. Напрасно это. Банкеты — вообще всякая еда и питье на службе — очень полезная вещь. Так, знаете ли, смягчаются нравы, так на всех благотворно действует... Вот я вам расскажу про наше учреждение.

Сам я работаю в Кузпромсбыте. Учетно-расчетно-счетная часть. Да. А по общественной линии — секретарь производственного совещания. И вот я вам покажу наши протоколы-стенограммы совещаний. Вот, например, первая стенограмма: производственное совещание безо всего. Так сказать, всухую... Читайте отсюда...

«Крутошамов: Товарищи, надо прямо сказать, что в нашей работе еще очень много недочетов...»

Сиваков (с места): Открыл Америку!

Крутошамов: Да, товарищ Сиваков, для тебя это — Америка, потому

что у тебя в плановом отделе дела обстоят особенно тревожно!

Шишерман (с места): И все-таки лучше, чем у вас в АХО.

Крутошамов: Не знаю, где лучше, знаю только, что я две недели не могу у товарища Шишермана получить простую справку о том, какой был за прошлый год коэффициент усвояемости и пропадаемости.

Хвостовкина (с места): Все вы хороши!

Крутошамов: Вот именно. Все хороши, а управление делами во главе с Хвостовкиной — особенно. У Хвостовкиной документы пропадают как блохи. Хоп — и нет бумаги!..»

Теперь посмотрите вот эту стенограммку: надумали мы, знаете, подавать бутерброды. И что же вышло? Читайте...

«Крутошамов: Товарищи, надо прямо сказать, что в нашей работе еще очень много...»

Председательствующий: Крутошамов, обожди немного, пусть уж поставят бутерброды, а то все равно внимание обращено на них. (Смех). Ставьте скорее, Дуся, и уходите.

Дуся (с места): Да я уж постановила...

Сиваков (с места): Ого-го! Пожалуй, докладчику ничего не останется. (Смех).

Крутошамов: Хвостовкина, забронируй для меня два бутербродика... Нет, лучше с сыром. Спасибо.

Председательствующий: Ну, продолжай, Крутошамов.

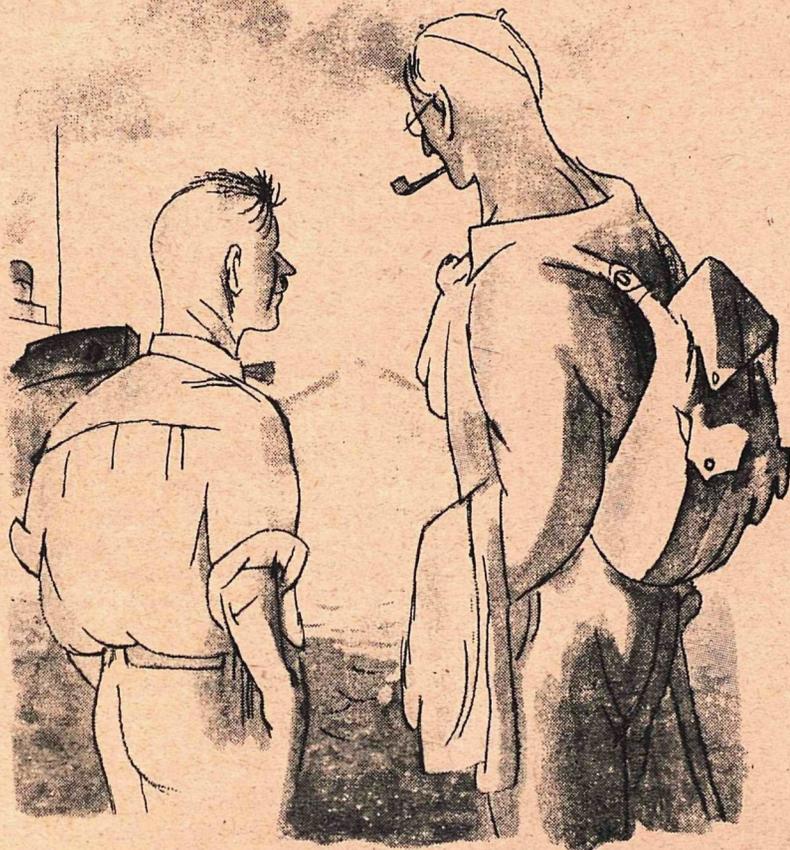
Крутошамов: Сейчас прожую... Да. Так надо прямо сказать, товарищи, что в нашей работе есть еще недостатки.

Шишерман (с места): А где их нет?

Крутошамов: Вот именно, Шишерман: где их нет? И вместо того чтобы указывать на соломинки в чужом

„...Я ТАКОГО УГЛА НЕ ВСТРЕЧАЛ...“

Рис. Л. Сойфертиса

— Наверное, вы как турист всё перевидали?
— Всё, кажется. Вот только хорошей базы ОПТЭ ни разу не видел.

глазу, я лучше скажу: давайте подумаем сообща, как нам быть. Ты меня прости, Сиваков, но вот я у тебя в плановом отделе не мог получить справки...

Сиваков (с места): Это о коэффициенте усвояемости и пропадаемости за прошлый год? Я уже разнес кого надо.

Крутошамов: Конечно, и у нас в АХО не все безупре...

Хвостовкина (с места): Кто ж без греха?..

Крутошамов: Вот именно! И я считаю...»

Понятно? Теперь дальше: уговорили мы администрацию расшибиться на пиво. Совсем другая картина. Читайте...

Председательствующий: Товарищи, я думаю, все уже утолили первый голод, можно и начинать.

Сиваков (с места): Налейте мне пива.

Председательствующий: Налейте Сивакову пива (смех) и давай, товарищ Крутошамов.

Крутошамов: Товарищи, если я буду говорить о наших недостатках, то это не потому, что у нас нет достижений. Достижения у нас есть и не малые... спасибо, мне довольно, не нали-

вай, Шишерман, не нали... ну вот и облил...

Шишерман (с места): А ты не загораживай руками стакан, когда тебе наливают...

Хвостовкина (с места): Шишерман уже готов! (Смех, аплодисменты).

Председательствующий: Как не стыдно — захмелел с пива!

Шишерман (с места): Ничего подобного! Если хотите, я могу любую справку дать...

Крутошамов: Кстати о справках: так я до сих пор и не получил коэффициента усвояемости и пропадаемости...

Хвостовкина: Дался ему этот дурацкий коэффициент! (Смех, аплодисменты).

Председательствующий: Крутошамов, промочи горло. Тебя, брат, покрыли... (Продолжительный смех)».

То-то и оно. А последнее совещание провели на квартире у председателя совещания — товарища Подтяжко... И что же?.. Читайте...

«Крутошамов (с места): Товарищи, я поднимаю этот бокал за наши до-

стижения и скорейшее изжитие наших недостатков! Ура!

Все (с места): Ура!

Сиваков (с места): Товарищи, прошу слова в порядке ведения!

Председательствующий: Говори!

Сиваков (с места): Предлагаю рассадить Хвостовкину и Шишермана, потому что это становится подозрительным! (Смех, аплодисменты).

Хвостовкина (с места): Сперва надо спросить, хотим ли мы рассаживаться! (Аплодисменты, смех).

Сиваков (с места): А я протестую! (Смех).

Председательствующий: Личные вопросы в конце! (Смех).

Шишерман (с места): Товарищи, мы еще не выпили за знаменитый крутошамовский коэффициент! (Смех, все с мест чокаются).

Крутошамов (с места): Разрешите продолжать, товарищи. Итак, мы только что выпили за те наши достижения...

Председательствующий: Товарищи, в порядке ведения!.. Что я вижу: наша стенографистка Ольга Федоровна передергивает!

Хвостовкина (с места): Как передергивает? В записи?

Председательствующий: Если бы в записи!.. Глядите: все выпили уже за коэффициент, а Ольга Федоровна еще не допила за достижения! Передергивает, передергивает!

Все (с места): Не хорошо! Надо пить! Пейте! Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!..»

Тут, конечно, стенограмма обрывается: напоили-таки стенографистку. Зато какое благодушие. Какая предупредительность! Товарищеские отношения!.. Нет, зря, зря у нас нападают на банкеты... Только неслужащий журналист может себе позволить поднять руку. Да-с! Святое дело — смягчение нравов!

В. АРДОВ

ПОСЛЕ ЭСКАЛАТОРА В МЕТРО

Рис. Б. Малаховского

— Что за безобразия! Десять минут стою на ступеньке и все еще внизу.

ЛОВЛЯ ДУРАКОВ

Жил-был молодой человек по имени Эммануил, по фамилии Прицкер.

Грустно стало молодому человеку. Не нравится ему собственное имя. Не по душе ему фамилия, унаследованная от папаша. Был папаша человек небольших масштабов.

Не по вкусу ему и костюм, который он носит. Что это за костюм? Пиджачок, рубашка с отложным воротником, галстук в полоску, штиблеты. Таких штатских костюмов в Киеве много.

Нет, так дальше продолжаться не может. Надо все менять. И костюм. И имя. И фамилию. И даже прическу.

Молодой человек облачается в военный костюм. Украшает петлицы ромбами. Подобрал себе имя и фамилию, более созвучные эпохе. И вот был Эммануил Прицкер — и нет такого. Мир его праху! А есть Ким Октябрьский. Просим любить и жаловать!

Облачившись в новый костюм и новую фамилию, бывший Прицкер решил:

— Теперь начну ловить дураков. На мой век хватит.

Он поступает на работу в киевский сорабкооп. С первого же дня он развивает бешеную деятельность. Он — активист, докладчик, составитель всевозможных резолюций. Он бегаёт, суетится, шумит, произносит непонятные слова. Он популярен. Он знаменит. «Свой вдоску».

Но все это ему мало. Он, мятежный, ищет бури. Собственно говоря, и буря ему не так уже нужна. А нужны деньги.

Он едет в Коростень. Городишко небольшой. Но доверчивые люди найдутся и на маленькой территории. Он даёт объявление о потере партбилета. И 29 июля 1931 года чуткий коростеньский райком выдает ему новый партийный билет.

Через два дня Прицкер покидает Коростень и переезжает в Киев. Здесь ему вскоре удастся поступить на работу в Укрснаб. Он опять шумит, выступает, суетится. А если кричит, то громче всех. Его избирают в бюро ячейки. Он идет все в гору.

Укрснабу надо в Чернигове закупить овес. Овес? Но ведь он, Ким Октябрьский, старый специалист по овсу. Он едет в Чернигов.

В ДЕТСКОМ МАГАЗИНЕ

Рис. Л. Генча

— Идите, идите, дети!.. Вам здесь делать нечего.

От этой поездки Укрснаб не получает ни грамма овса. Зато Прицкер прикарманивает около 3 тысяч рублей.

Дело передается прокурору. Прокурор поручает следователю. Следователь — милиции. Путешествует дело целый год, а затем прекращается. Но все же Прицкера вскоре исключают из партии. Беспартийного исключают из партии.

Прицкер улыбается. Дураков хватит. Вот, например, в Чернигове в гостинице он познакомился с членом партии Даниленко. Подходящий человек. Тот его устраивает уполномоченным издательства «Вісті».

Уполномоченный — это звучит неплохо. Много людей на свете, но не всякий может назвать себя уполномоченным. Подходя дома к телефону, Прицкер, меняя голос, говорит:

— Квартира уполномоченного. Кто спрашивает? Сейчас передам трубку.

В квартире у него две комнаты. В одной — на полках классики марксизма, энциклопедии. Здесь он принимает людей серьезных и ведет деловые и серьезные разговоры. Здесь он вздыхает: «Нет людей. Не с кем работать».

В другой комнате — патефон, радио. Там он встречает интимных друзей. Там он танцует фокстрот и предаётся мечтам о красивой искрометной жизни.

Но вот в издательство приходит ревизионная комиссия. Прицкер этого терпеть не может. Мешают работать. Тем более, что за ним числятся большие денежные суммы.

Прицкер спешит переменить место действия. При помощи того же отзывчивого Даниленко он устраивается в Союзпечати — уполномоченным по трем обязанностям.

Первым шагом нового уполномоченного по распространению печати было заключение договора с одной из киевских школ на доставку... овощей. Почему Союзпечать берется снабжать школы капустой и редиской, — об этом никто не подумал. Берется, — пожалуйста! Получайте деньги.

Конечно, никаких овощей он не доставил. Но 8 тысяч рублей получил. Дело передается прокурору. Прокурор — следователю. Следователь — в суд. Но суд оправдывает афериста. Потому что к этому времени, видите ли, он уже погасил задолжанные за овощи деньги.

Ловля дураков продолжается. Прицкер уже работает уполномоченным издательства «Колгоспне село». Здесь он опять растратил большую сумму. Дело передается прокурору. Прокурор — милиции. И все. В милиции «дело» положили в шкаф и приступили к другим очередным делам.

А Прицкер ни на минуту не прекращает своей разносторонней деятельности. Ловля дураков продолжается на расширенной основе.

Он организует контору ВИЭИ. Что означают эти буквы, никто не знает. Но есть печать, есть бланки ВИЭИ. Есть контора и штат сотрудников. Об остальном никто не спрашивает.

Контора заключает договоры на доставку стройматериалов — кирпичей, гвоздей, стекла и... повидла.

Прицкер заключает такие договоры с директором завода «Запал» Томбаком, с Доржилсоюзом, с больницей водников. Никто ни в чем не отказывает Прицкеру — ни во внимании, ни в деньгах.

Он все более и более расширяет сферы своего влияния. Он списывается с заместителем начальника краевого отдела связи в Хабаровске тов. Ткаченко, и тот, не говоря худого слова, назначает Прицкера своим уполномоченным по Украине. Новые сделки. Новые деньги...

Свыше четырех лет свободно плавал аферист. Только недавно его ладью причалили к берегу. Только недавно закончена многогранная деятельность Прицкера. Он сидит. Там, где ему полагается сидеть.

По совести говоря, он нас теперь не интересует. Наше внимание привлекают другие личности, — те люди, чья глупость, чье легкомыслие стоили государству много денег.

Почему расходы, сделанные дураками, должны быть отнесены на казенный счет?

Почему?

Г. РЫКЛИН

ТАБАК

На вид я здоровый, а легкие у меня никуда не годятся. Одна грязь! От табака.

Снаружи этого не заметно. А если опытным глазом взглянуть через грудную клетку, то не поверите: не моя клетка!

Это я не со своих слов говорю, а со слов доктора.

— Вы, — спрашивает, — давно курите?

— С двадцати лет.

— А сколько вам сейчас лет?

— Сорок.

— По сколько папирос в день курите?

— По сорок, по сорок пять.

— Сорок папирос в день умножить на 365, потом еще на 20... Затягиваетесь?

— Затягиваюсь.

— Недурно... Знаете, сколько на ваших легких за это время табаку осело? 128 кило!

— Как это может быть, когда во мне, во всем теле, пяти пудов нет?

— Потому и нет, что большая часть табака идет в дым, в атмосферу.

— Это я понимаю... А сколько же все-таки кило может остаться у меня здесь, в легких?

— Сколько?... Вы сами — сознательный человек, сколько может остаться, коли вы весь табак через себя пропускаете?

— Гм... Ну, не меньше уж, думаю, чем казенный процент в кассах дают — 8%. Подсчитал...

— Десять килограммов и две десятых.

И так это мне не по себе сделалось: десять кило, и такой гадости... По мешку на каждое легкое.

— Да как же, — говорю, — такой груз у меня внутри держится, не оборвется?

— На диафрагму, — говорит, — опирается.

— Не продавит?

— Не думаю, — говорит. — А только надо вам курить бросить.

— Бросить! Это я уж сам хотел без него сделать. Подсчитал. Двадцать пять штук папирос за рубль, по сорок папирос в день: в год 584 рублика. За двадцать лет процент на процент — 27.000 целковых.

Еще через двадцать лет — 27.000 два разика обернуть — 108.000. К шестидесяти-то годам — здорово?

— Да, — доктор говорит, — вам, с вашим слабым характером, обязательно к гипнотизеру надо идти: вы сами курить не бросите. Вот вам и адрес.

Пришел... Гипнотизер настоящий. Черный, худой, глаза, как у зубного врача. Диван хороший.

— Прилягте!

Я усомнился.

— А я, — говорю, — собственной воли от этого не лишусь?

— Каким образом?

— Да, так! Захочу я пойти поесть, а это не по моей воле, а по вашей. Захочу я в какое-никакое место пойти, а это не по своей воле, а по вашей.

— Нет, — говорит. — На этот счет вы можете быть спокойны: раз пациент не захочет, врач не заставит. Внушение лишь укрепляет волю. Вот вы, например, хотите бросить курить, мы вам поможем... Прилягте!

Прилег.

— Распустите мускулы.

Я туда, я сюда.

— Как же их, — говорю, — распустить?

— Очень просто. Представьте, что у вас в руках ничего нет.

— У меня, когда я ложусь, всегда в руках ничего нет, особенно ночью.

— Тем лучше, — говорит. — Закройте глаза...

Закрыл.

— Не думайте!

«Ну, как же не думать?» — думаю.

— Спокойно!.. Я говорю: «спите»!.. Вы в состоянии приятного забытья, воспримите, что курение, не только оказывающее разрушающее влияние на ваши легкие, но и давящее на вашу психику, вызывая четко обоснованное представление о материальных потерях, жертвой которых вы ежедневно становитесь...

«Вишь, — думаю, — как это он ловко суммирует...»

И заснул. Как в пропасть скатился! Вот какова сила!

Сколько времени я проспал, не знаю. Но чувствую, что трясет, колотит!.. Я вниз, с дивана.

— В чем, — кричу, — дело?

Поглядел, а у него вид, словно я его выругал.

— Так, — говорит, — нельзя. Я вас как разумного пациента спать пригласил, а не как обывателя. Здесь не ночлежка.

— Простите, — говорю, — я так всегда сплю: меня, верно, полчаса не добудишь.

— Хорошо, — говорит, — что у меня пациентов в передней нет: вы храпите.

— Извиняюсь, — говорю, — храплю.

— «Извиняюсь»! Вы здесь не у себя дома... Прилягте еще раз.

Прилег.

— Распустите мускулы.

Распустил.

Но, знаете, я таков: раз вы меня разбудите... Бился, бился, заснул!

Только заснул — опять!

— Нет, — говорит, — так у нас не пойдет. Это врачебный диван, а вы на него, как в спальный вагон, лезете.

— Как же, — говорю, — тогда быть?

— Не храпеть! Вы этим храпом и себе как больному голову заморачиваете.

В ПОРЫВЕ ЛИРИКИ

Рис. Ю. Ганфа

— Милая, скажи мне только «да»!

те и меня как врача системы лишаете. Вам нужно носоглотку лечить; мы потом с курением в два счета разделаем-ся. Идите к носовику. Вот вам и адрес.

Пришел.

— Покажите, — говорит, — нос.

— Нос, — говорю, — здесь. Как у большинства людей, на виду.

— Довольно... Курите?

— Да, курю.

— Надо бросить.

— А без бросанья все так и буду храпеть?

— Все так и будете.

— Тогда, — говорю, — я вижу, выхода нет. Прощайте!

Так и ушел. Человек я на вид здоровый, а легкие — одна грязь: по пять кило в каждом легком, не считая посуды. От табака!

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

РОКОВОЙ ДОКУМЕНТ

Предлагаем вниманию сочувствующих людей и товаропроводящей сети грустный документ, присланный нам из Ильинска (Свердловской области) и написанный кровью сердца пополам с фиолетовыми чернилами на кусочке тряпки.

Вот его внешний вид и текст.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!
ПОМОГИ НАМ! ТРЕБОВА
ЗАЖИ ТЕБЕ ПРИКРАИТСЯ
ПИСАТЬ НА ТРЯПЧУКЕ.
У НАС ВО ВСЕМ ИЛЫН-
СКОЕ (СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ) НА ЗАКАЖ
ДЕНЕЖИ НЕ НАИШЛИ
ЛИСТА БУМАГИ.
ЕСЛИ БЫ ПРОДАВАЛИ
ПОСОВЫЕ ПЛАТКИ НО

ААЖЕ И ИХ В МА
ЗНАХ НЕТ. Я ПРЯ
ЛОГАЮ ПРОДАЖУ
БЕРЕСТА ЗАЕСЬ
ВВЕСТИ, А ПОЧ-
ТОВОМУ ОТДЕЛЕ-
НИЮ КОНВЕРТОВ
СДЕЛАТЬ ХОТЯ БИ
ИЗ ПАЗЕТ КОТОРЫХ
ТАМ СКОПИЛОСЬ НЕ

Мы помещаем этот документ не без некоторой опаски. Тряпка вместо почтовой бумаги — это еще куда ни шло. А вдруг нам начнут присылать жалобы на недостаточное обслуживание культтоварами на каменных глыбах и на столетних дубах? В некоторых местах товаропроводящие граждане могут довести и до этого. Мы их знаем.

ДИСКУССИОННЫЙ КОМАР

Малярия довольно неприятная болезнь. Но, соединенная с редакционной безграмотностью, она переносится еще тяжелее. Апофеозный пример такого соединения дает газета «Большевистский путь» (Куйбышевский край), которая на вопрос «Какие причины порождают малярию?» отвечает такими блестящими афоризмами:

- 1 причина — это наличие большой заболеваемости.
- 2 причина — это наличие малярийного комара.
- 3 причина — наличие больного человека.
- 4 причина — наличие здоровых людей, среди которых и распространяется малярия.

Вывод отсюда напрашивается ясный: уничтожим здоровых людей, и малярийному комару нечего будет делать. На осу он переквалифицируется, что ли, или махнет на все лапой и уйдет в кузнечики?

ДЕЛОВОЙ ПОДХОД

В Купянской больнице внимание к живому человеку начинается с первого же дня его рождения.

Для того чтобы в тревоге мирской суеты не перепутать младенцев и не подсунуть матери чужого, на лбу у каждого ставится чернильным карандашом большая цифра.

Радость родителей, созерцающих своих первенцев с фиолетовыми опознавательными знаками, не поддается описанию. Тупость руководителей Купянской больницы — тоже.

ЗАСТИГНУТАЯ ВРАСПЛОХ

В Одесском педтехникуме заинтересовались общим культурным развитием студентов. Этот вопрос вскоре выяснился, когда студентка 3-го курса, комсомолка Судак, поделилась накопленным ею либлагжом в таких искрометных ответах:

— Читали ли вы «Петра I» А. Толстого?

— Читала, но забыла. Зато я прочла «Илиаду» и «Одиссею» одного западноевропейского писателя.

— А кто написал «Кавказский пленник»?

— Как кто? Тургенев.

— А «Мертвые души»?

— Безусловно, он же. Впрочем, я хворала, несколько лекций пропустила. Может, и не он.

— А кто написал музыку к «Евгению Онегину»?

— Музыку я знаю плоховато. Последний раз была на концерте Чехова.

Мы не знаем, чем закончился этот светский литературный диалог. Быть может, в конце его выяснилось, что музыку к «Евгению Онегину» написал неутомимый концертант Чехов, а может быть, он — ввиду неясности позиции Тургенева — написал только «Мертвые души». Утверждать не беремся. Единственно, что мы заявляем со всей ответственностью, — это то, что Одесский педтехникум существует и выпускает педагогические кадры для работы с подрастающим поколением. Точка.

КАЛЕНДАРЬ ДЫБОМ

Зав. Котельничским райфо т. Митяшин послал артели «Трудовая коммуна» следующее гневное послание:

Котельничский райфинотдел ставит вас в известность, что с вас по налогу с оборота 1454 р. 16 коп. числится недоимка на 31 апреля с. г. Если эта сумма не будет погашена вами к 30 апреля с. г., то райфинотдел вынужден преподнести ШТРАФ как вам, так и вашему бухгалтеру за несвоевременную уплату налогов.

Зав. Котельничским райфо

МИТЯШИН.

Будь мы на месте бухгалтера «Трудовой коммуны», мы немедленно бы отправили такое заявление грозному Митяшину:

«Тридцать пятого апреля уплатить не можем. Просим отсрочки. Гарантируем уплату между 43 и 72 мартабрем, 1958 года. Средопятница. 92 часа 147 минут».

КООПИЕРОГЛИФЫ

Среди кооператоров зачастую наблюдаются загадочные натуры. Некоторые из них носят эту загадочность в себе, загоняют ее, так сказать, внутрь. Некоторые, наоборот, стараются ее выявить перед массами.

Так, например, в г. Новосокольниках, Калининской области, местные кооператоры соорудили такую вывеску:

РАЙМАГ
ПРОМТОВАРОВ СЛОЖНОГО АССОРТИМЕНТА
НОВОСОКОЛЬНИЦКОГО РАЙСОЮЗА

Интересно знать, что такое промтовары сложного ассортимента? Смазные сапоги, заменяющие самовар, или шнуры для ботинок, служащие карманным зеркалом?

СОЛЕНО-КОПЧЕНОЕ ДЕЛО

Третьего мая в харьковских ОРС началась продажа солено-копченого балыка. Покупатели ели балык, не предвидя от сего, как это говорится, никаких последствий. А четырнадцатого мая в харьковских газетах появляется следующее объявление:

Доводится до сведения граждан, купивших за последние дни рыбу (солено-копченый балык) в магазинах ОРС связи, ЗРК щеточн. фабрики, ЗРК Кроватного завода, ЗРК зав. Коснора, что рыба является недоброкачественной. Указанными магазинами рыба принимается обратно, и стоимость ее возвращается покупателям.

ГОССАНИНСПЕКЦИЯ

По поводу уже съеденной рыбы госсанинспекция ничего не говорит. Повидимому, она считает, что с ней вообще все в полном порядке.

ТАИНСТВЕННЫЕ КАМЕНЩИКИ

Газета «Забайкальский рабочий» порадовала читателей таким жанровым снимком, снабженным довольно загадочной подписью.

На снимке: строительство школы по Каляевской улице. Стройка получила районное переходящее красное знамя. Бригада каменщиков тов. Наумова за работой.

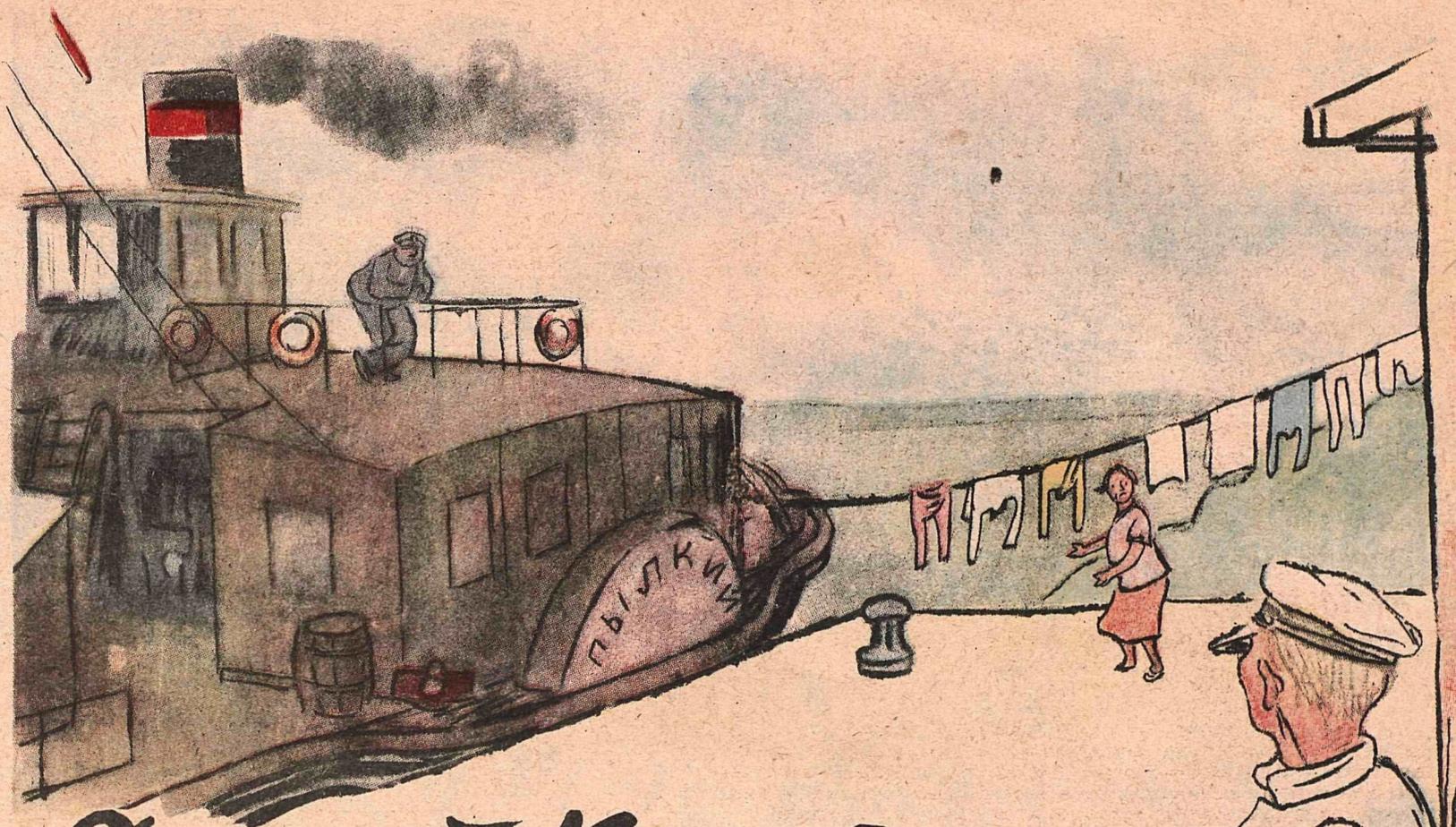
Мы не хотим очень сильно конфузить задумчивого редактора газеты «Забайкальский рабочий», но не можем не спросить из чисто профессионального любопытства:

— А почему, дорогой товарищ, вы не подписали эту фотографию так: «Бетонирование площадок в западной Австралии, или «Орошение степей в Туркменистане»?

При вашей внимательности, для которой существует и другое название, и такая подпись могла бы появиться под вышеприведенной фотографией.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР

КРОКОДИЛА
СПЕЦИАЛЬНЫЙ —
КУРОРТНЫЙ

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Не знаешь ли ты, каким способом приучить московскую подписную контору Союзпечати не путать фронты. Нами из Н. Удинска был выписан журнал «На фронте здравоохранения», а подписчик начал получать «На фронте сельскохозяйственных заготовок». Теперь подписчик требует переменить фронты, а что мы можем сделать в Н. Удинске, если их перепутали в Москве?

Зав. отделением
Союзпечати **ЧЕБОТАРЕВ.**
Н. Удинск.

Товарищ Крокодил!

Где и в каком параграфе советской Конституции сказано, что пиво невозбранно могут пить только председатели сельсоветов и работники райисполкомов? У нас в Горках, в закрытой столовой партактива предрайисполкома тов. Жук отдал именно такое распоряжение. Я, в качестве переведенного на ситро, не протестую, но мне просто хотелось бы узнать, как посредством прохладительных напитков измеряются гражданские права работников рангом ниже председателей сельсоветов

и штатных сотрудников райисполкома!

ГОНЧАРОВ.

Горки. БССР.

Милый Крокодил!

В Ульяновске (Куйбышевск. края) устроили карусель и катают на ней ребяташек не за деньги, а за утиль-тряпье, старое железо и поношенные калоши. Ребята целый день ходят грязные, копаются в мусорных ямах, а во всех домах исчезают калоши. Помогите нам избавиться от такой утиль-карусели и вытащить наших ребят из оврагов, подвалов и чердаков, где они тратят всю свою энергию на раздобывание карусельной утиль-валюты.

И. МАКАРОВ.

Ульяновск.

Товарищ Крокодил!

В Ленинграде артель «Фотообъединение» открыла фотографию на проспекте Володарского, где небритых и непричесанных не снимают. Мне это очень нравится. А то наши ребята снимаются на декорации моря или под нарисованными пальмами, а лица у них как у угольников. Показываешь карточку парня

подруге, а та спрашивает: «А какая у него судимость?» Вот если бы так стали везде приучать, все бы ходили чистые и бритые.

Работница С. ИВКОВА.

Ленинград.

Милый Крокодил!

У нас в городе Канске уже два года коптится один старичок. Поступил он в городской театр сторожем, и дали ему помещение в курительной комнате. Вечером там курят, а ночью старичок спит. И никто за старичка не заступится. Говорим о внимательном отношении к старикам, а сами держим старого человека в табачном чаду. Помогите, милый Крокодил!

А. БУРМАКИН.

Красноярский край.

Уважаемый Крокодил!

Ботинки у меня чистые и руки чистые, и лицо, а зубы? Насчет зубов, прямо скажу, плохо. В Астрахани у нас не найдешь зубной щетки, и приходится пользоваться собственными пальцами. Правда, это дешевле, но при чем здесь обслуживание населения культтоварами?

Е. БЕЗРУЧЕНКОВ.

Астрахань.

У ТИХОЙ ПРИСТАНИ

Рис. Л. Генча

— Почему пароход не отправляете?

— Не видите разве, — белье начальника пристани еще не высохло.

